

Теория фронта о начале второй мировой войны

В.П. Румянцев, Е.В. Хахалкина

Аннотация. В данной работе исследуется одна из первых попыток, предпринятых в 1940 г. учеными Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, применить теорию фронта американского историка Ф.Дж. Тернера к европейскому опыту в связи с началом второй мировой войны в Европе. Эксперимент калифорнийских ученых расширил концептуальное понимание границ как сложного географического, культурного, политического и стратегического феномена.

Ключевые слова: фронт, Европа, вторая мировая война, Фредерик Дж. Тернер.

Abstract. This work examines one of the first attempts to apply the American historian Frederick J. Turner's theory of the frontier to the European experience in connection with the outbreak of World War II in Europe. This attempt was undertaken in 1940 by scientists of the University of California, Los Angeles. The experiment of Californian scientists has expanded the conceptual understanding of boundaries as a complex geographical, cultural, political and strategic phenomenon.

Key words: frontier, Europe, World War II, F.J. Turner.

1 сентября 1939 г. Германия совершила нападение на Польшу. Вторая мировая война, по сути уже начатая Японией в Восточной Азии, вспыхнула теперь и в Европе. Однако передел европейских территорий начался еще раньше — с нацистской оккупации Рейнской демилитаризованной зоны в 1936 г. при молчаливом согласии западных стран, прежде всего, Великобритании и Франции.

В научном сообществе США справедливо посчитали расширявшийся вооруженный конфликт достаточным поводом для его научного осмысления. Весной 1940 г. по заданию Комитета по международным отношениям Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе был прочитан цикл лекций, в кото-

Румянцев Владимир Петрович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: rumv@mail.ru; *Хахалкина Елена Владимировна* — кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru.

Rumyantsev Vladimir P. — doctor of historical sciences, head of the chair of the National Research Tomsk State University. E-mail: rumv@mail.ru; *Khakhalkina Elena V.* — candidate of historical sciences, associate professor of the National Research Tomsk State University. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru.

рых ставилась задача анализа происходивших в Европе событий с точки зрения теории фронта (подвижной границы). Эта теория была сформулирована в конце XIX в. американским историком Ф.Дж. Тернером. В докладе «Значение фронта в американской истории», озвученном в ходе заседания Ассоциации американских историков в Чикаго в 1893 г., профессор Висконсинского университета Тёрнер впервые представил на суд академической общественности концепцию фронта.

Появление данной теории совпало по времени и, в сущности, было обусловлено завершением освоения западных территорий Соединенных Штатов. Тёрнер рассматривал завоевание американского Дикого Запада как многогранный процесс, связанный с экономическими, социальными и культурными аспектами развития США. Он утверждал, что именно благодаря подвижной границе в США появились и развивались демократические институты, гражданское общество и особые ментальные характеристики американской нации. Неслучайно, фронт был обозначен им как «полоса наиболее быстрой и эффективной американизации»¹.

При этом основоположник теории рассматривал понятие «фронт» в двух ракурсах. С одной стороны, как термин, отражающий демографическую ситуацию на периферии — в так называемой подвижной зоне фронта, которую «сносит с востока на запад» и где плотность населения была крайне низкой (местное индейское население в данном случае во внимание не принималось). С другой стороны, Тёрнер определял фронт как «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и естественной окружающей среды», «точку или момент встречи между дикостью и цивилизацией». «Дикими» в русле господствовавших в то время представлений рисовались индейские племена, массово истреблявшиеся пионерами фронта, и, соответственно, занимаемая индейцами территория рассматривалась как «ничейная» и свободная для заселения.

Появление теории Тёрнера вызвало большой общественный резонанс и привлекло внимание исследователей, хотя ее автор не сказал по сути ничего нового². Возникший интерес, во-первых, объяснялся событиями 1893 г., когда в США разразился экономический кризис, сопровождавшийся волнениями рабочих и даже походом ветеранов Гражданской войны на Вашингтон. Последнее десятилетие XIX в. было также отмечено притоком не владеющих английским языком иммигрантов и обострением социальных конфликтов. Теория фронта объясняла эту ситуацию завершением освоения «свободных» земель Запада и в то же время указывала способы решения возникших проблем — распространение влияния США за пределы территории страны³.

Во-вторых, теория границы вобрала в себя ключевые составляющие сформировавшегося самосознания американской нации: индивидуализм, приверженность демократической форме правления, идею предопределения судьбы и равных возможностей. Фронт дополнял эти элементы, привлекая внимание к особой роли географического фактора в развитии и становлении независимости США. Это отмечают и современные исследователи, указывая, что «массовое переселение американцев на западные территории и обращение многих из них в самостоятельных собственников укрепляло демократические стороны американского капитализма, расширяло его социальную базу, обеспечивало ему преимущества, которых не было у других обществ западной цивилизации»⁴.

Появление теории границы оказалось крайне своевременным, что также объясняло широкий общественный и научный интерес к работам Тёрнера. Он представил теорию фронта в то самое время, когда только завершилось освоение Запада, и этот процесс объективно требовал научного осмысления. Именно в этот период происходило и становление исторической науки в универси-

татах западных штатов (Университет в Луизиане был открыт в 1853 г., Калифорнийский университет — в 1869 г., Техасский университет в — 1883 г.).

В начале 1930-х гг. в научном сообществе США обозначилась первая крупная волна критики теории фронта. Тёрнер уже не имел возможности ответить своим оппонентам: он ушел из жизни в 1932 г. — как раз в то самое время, когда предложенную им концепцию некоторые историки попытались объявить несостоятельной из-за ее односторонности и географического детерминизма. Сомнению подверглась и предложенная Тернером идея проведения сравнительного анализа фронтиров на материалах других стран и в разные исторические периоды.

Профессор Гарвардского университета Б.Ф. Райт в середине 1930-х гг. назвал спорной идею Тернера о том, что по мере продвижения фронта уже существующие формы демократических институтов приняли «совершенно новый и уже американский характер». По мнению Райта, политические институты, сложившиеся на Западе, во многом «копировали действующие на восточном побережье структуры», что не смог разглядеть Тёрнер.

В это же время ученый из Йельского университета Дж.В. Пирсон охарактеризовал теорию фронта как нелогичную и лишенную «собственного языка», обрушившись с критикой на популярную трактовку «западного фронта» как «предохранительного клапана». Тёрнер в ряде своих эссе действительно писал о том, что наличие свободных земель на Западе давало возможность снимать социальную напряженность в стране. Пирсон обратил внимание на тот факт, что в 1870—1880-е гг. на востоке США прошла крупная серия забастовок рабочих, и, несмотря на возможности уехать на Запад и заняться фермерством, многие проживающие на востоке страны предпочитали быть городскими рабочими⁵.

Эта критика во многом была справедлива. Тёрнер ни в 1893 г., ни позднее не представил четко разработанной концепции фронта (так же как и предложенной им теории секций). Американский историк не дал и самого определения «фронта». Была только идея, на что указывал изучавший эту проблематику отечественный ученый М.Я. Пелипас⁶. В этом были слабые и сильные стороны теоретического построения Тёрнера. С одной стороны, когда есть идея, ее можно развивать, насыщать конкретным историческим материалом, проводить сравнительные исследования. С другой, эта концепция-идея почти сразу стала благодатным полем для критики, исторических спекуляций и заблуждений. Сам Тёрнер считал свои работы, справедливо именуемые эссе, — в соответствии с жанром в них в основном содержались размышления на заданную тему — лишь первым шагом к проведению глубокого и всестороннего изучения феномена границы. Отмечая отсутствие научного интереса к фронтиру как «предмету серьезных экономических и исторических исследований», он предсказывал, что «лишь будущее сможет прояснить, насколько эти интерпретации оказались верны в отношении эпохи колонизации, которая постепенно подошла к концу и с исчезновением фронта, и свободных земель»⁷.

Публикация цикла лекций о фронтире в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе в 1940 г. в определенной степени символизировала ответ на волну критики тернеровской теории. Председатель Комитета по международным делам, профессор политических наук М.У. Грэхэм указал на то, что «своеобразная ирония состоит в том, что в скорости лет, последовавших за первым мировым конфликтом, много было написано... и много чернил ушло на печатание книг, брошюр, памфлетов по теме... Однако базовая литература по фронтирам на самом деле скудна»⁸.

Такая скудость литературы объяснима. Для серьезных работ о фронтире на опыте других стран требовался материал, накопление и анализ которого требовали времени. Продолжению исследований мешала и начавшаяся критика теории Тёрнера. Сложными и неоднозначными оставались вопросы методоло-

гического характера. До сих пор историки пытаются найти ответы на вопросы о том, какую именно зону или область можно считать фронтиром, как можно проверить теорию Тёрнера и применима ли она для других стран и регионов⁹. Тем не менее, военные события в Европе и Азии в 1930-е гг. заставляли обратиться к проблемам границ.

Примечательно, что предвеляя публикации лекций, Грэхэм выражал граничащую с уверенностью надежду, что США удастся избежать прямого вовлечения в расширяющийся военный конфликт. Остаться в стороне от военных действий Вашингтону, как известно, не удалось.

Представляет интерес замечание американского политолога о том, что «каким бы ни был его (военного конфликта в Европе. — *В.Р., Е.Х.*) исход, однажды мир будет заключен. Мирный договор включает в себя нечто большее, чем проблему демаркации границ, но это новое перекраивание территорий, несомненно, одно из самых роковых результатов почти любой войны... Пока что мы надеемся, что... условия мира будут соответствовать жизненно важным интересам американской нации»¹⁰. В этом ключе обращение к фронтирной тематике служило вполне конкретной цели Соединенных Штатов — принять участие в разделе европейских границ в своих интересах и не исключено — с реанимированием так и оставшейся по большей части нереализованной на Парижской мирной конференции программы «14 пунктов». Неслучайно, базовые принципы вильсоновской программы стали основой одного из ключевых документов Антигитлеровской коалиции — Атлантической хартии, заключенной 14 августа 1941 г. на встрече лидеров США и Британии, проходившей без участия СССР, подписавшего документ позднее.

Соединенные Штаты пока оставались в стороне от конфликта, но академическое сообщество страны пыталось осмыслить происходившее в Европе. Одной из ключевых причин нового вооруженного конфликта на европейском континенте Грэхэм назвал проблему «нерешенных фронтиров» в Европе¹¹. Исторически и политически наиболее конфликтным фронтиром он определил так называемый Польский коридор. С такой точкой зрения можно согласиться лишь отчасти.

Если обратиться к проблеме территориального урегулирования после первой мировой войны, то можно увидеть, что конфликтный характер новых европейских границ был заложен отчасти намеренно. Следует также учитывать, что впервые в истории в качестве базисного для формирования системы международных отношений был выдвинут принцип права наций на самоопределение, озвученный в программе «14 пунктов» президента США В. Вильсона.

Этот принцип, заманчивый для некоторых европейских и, особенно, колониальных народов, разработчиками новых границ, прежде всего, Францией и Британией, по большей части не был принят во внимание. Новые границы были определены, во многом, исходя из желания наказать виновников войны и ослабить некогда великие державы.

Германия лишилась существенной части пограничных территорий в пользу новых государств. Чехословакия получила Судетскую область. Польша, наконец объединившаяся в единое самостоятельное государство из частей, входивших в Российскую, Германскую и Австро-Венгерскую империи, получила Западную Пруссию и Силезию. Франция вернула себе Эльзас-Лотарингию, Бельгия получила Эйпен и Мальмеди, Дания — Северный Шлезвиг. Мемель — небольшой город Восточной Пруссии вдоль Балтийского моря — отошел к Литве. Саарская область — богатый угольный бассейн — перешла под контроль Лиги наций на 15 лет.

За пределами своих государств по результатам послевоенного урегулирования оказались немцы (по разным оценкам, 5—6 млн чел.¹²), австрийцы, венгры и представители других европейских народов, не считая априори пестрого и конфликтного в этническом и религиозном плане Балканского региона,

на котором после войны образовалось сложное в своем развитии Королевство сербов, хорватов и словенцев — будущая Югославия.

На границе Польши и Германии под польским протекторатом возник так называемый Польский коридор с выходом к Балтийскому морю в районе Гданьска (Данцига), получившего статус вольного города и поставленного под защиту Лиги наций. Эта буферная зона, отделявшая Восточную Пруссию от остальной территории Германии, по замыслу авторов рождающейся Версальской системы международных отношений, должна была служить барьером в отношениях Берлина и Варшавы и сдерживать реваншистские настроения недавно рожденной Веймарской республики. Однако в реальности нараставшие реваншистские настроения внутри Германии в 1920-х и особенно в 1930-х гг. вкуче с неспособностью Франции и Великобритании гарантировать стабильность Версальской системы, привели к силовому пересмотру установленных границ.

В прочитанных в Калифорнийском университете лекциях были затронуты разные виды фронтиров — естественные или географические, культурные, политические и стратегические. Выделение подобной типологии фронтиров отражало развитие тернеровской теории, в рамках которой схожей классификации предложено не было.

В первой лекции профессора географии Ж.О.М. Броека «Проблема «естественных фронтиров»», которая носила вводный характер, автор обозначил важные и неоднозначные вопросы этимологии — происхождения термина «фронтир», его использования и значения в разных языках. Брок показал, что в европейских странах (Франция, Германия, Испания) и в США под фронтиром традиционно понималась зона или область на рубежах государственных образований и позднее — государств. Автор развел термины «frontier» и «boundary».

Действительно, в английском языке существует ряд понятий, которые буквально можно перевести как «граница» — frontier, border, boundary, limit, fringe (край), пограничная территория — borderland. Термин «frontier» появился в английском языке позднее других определений границы и был заимствован из французского языка. Во французских источниках XIII—XV вв. понятие «фронт» и производное «фронтир» встречалось в двух значениях: передняя часть или фасад дома/церкви и «передовая линия фронта». С XVI в. этот термин приобрел другое смысловое содержание — «передовая линия государства», под которой имелась в виду как укрепленная граница (цитадель, крепость и т.д.), так и «динамичная» (подвижная) граница — населенная или пустынная зона или область. В английском языке этот термин стал использоваться скорее как обозначение некоей подвижной области, чем физической границы или демаркационной линии¹³.

Примеры таких границ — областей или зон, играющих, по сути, роль буферных территорий — Брок находил в Европе и Азии, в период античности, в Средние века и Новое время. Ярким примером может служить разделяющая Китай и Корею до XIX в. полоса территории, в которой поселение было запрещено: «Такие пространства по ту сторону государственной власти часто становились укрытиями для преступников из приграничных стран. Фронтиры европейских государств до наполеоновских войн (а в Германии даже дольше) характеризовались многими «эксклавами», маленькими, разбросанными кусочками территорий, часто представляющих собой замки или укрепленные города вне государства, пока, в свою очередь, само такое государство могло иметь «анклавы» или острова под иностранным управлением внутри своей собственной территории»¹⁴.

Существенным отличием от античности и средневековья, когда защитой государственных рубежей служили «естественные фронтиры», — сначала реки и горы, позднее укрепленные форты и крепости — границы национальных государств, появившиеся в Новое время, имели принципиально иной характер. Возник феномен «политических границ», «нарисованных человеком» для «обо-

значения своей власти». Попытки оспорить эту власть вели к масштабным военным конфликтам. Именно в этом — связи «национализма, выдвинутого Великой французской революцией» и «промышленной революции, которая привела к становлению современной технологической цивилизации», — Брок видел основную причину возникших на европейском континенте противостояний: «как нигде и никогда ранее, именно в Европе сошлись интересы национального духа и технологического скачка»¹⁵.

По мнению автора, это было опасно тем, что «границы, очерченные в соответствии с пространственным распространением “народа” (folk), не имеют ничего общего с современной структурой транспорта, сырья, энергоресурсов и рынков»¹⁶.

Данная мысль не нова. Еще в 1919 г. внимание на такое положение дел обратил британский экономист Дж.М. Кейнс, входивший в состав британской делегации на Парижской мирной конференции. По итогам этой крупной международной встречи он писал, что «мирный договор не сделал ничего для экономического восстановления Европы... он не подготовил пути для осуществления экономической солидарности в среде самих союзников; в Париже не пришли ни к какому соглашению по вопросу о восстановлении расстроенных финансов Франции и Италии и ничего не сделали для согласования системы Европы и Нового Света»¹⁷.

Кейнс подразумевал недостаточное внимание авторов новой системы международных отношений к экономическим последствиям распада четырех крупнейших империй по итогам Великой войны и разрыву прежних хозяйственных связей при образовании новых государств. В знак несогласия с принятыми решениями Кейнс покинул Парижскую конференцию.

Мировой экономический кризис 1930-х гг. доказал правильность поставленного британским экономистом «диагноза». Однако попытки преодоления закрепившихся по итогам конференции национальных барьеров натолкнулись на факторы политического характера. Так, для решения финансовых и торговых трудностей Германия в 1933 г. предприняла попытку создания Таможенного союза с Австрией, что вызвало глубокое возмущение и негодование Франции, воспринявшей действия Веймарской республики как нарушение ст. 88 Сен-Жерменского договора об аншлюсе Австрии. Таможенный союз не состоялся.

Дальнейшие события в Европе профессор Брок трактует с точки зрения принципа права наций на самоопределение. «Хотя право на самоопределение наций должно быть признано как великая духовная ценность, — пишет Брок, — трагедия Европы в том, что эта идея стала такой доминирующей, что она также правит экономической жизнью. Другими словами, национальные границы стали экономическими барьерами»¹⁸.

С такой трактовкой можно согласиться лишь отчасти, если иметь в виду, что после войны наметилась интенсификация внутрирегиональных и международных экономических связей, логика которых требовала создания экономических союзов. Однако ведущие государства мира предпочли закрыть свои границы высокими торговыми барьерами и даже в годы кризиса оказались неспособны на выработку согласованной политики по преодолению экономических трудностей.

В целом же, вряд ли корректно говорить о торжестве принципа права наций на самоопределение в случае с межвоенной Европой. Хорошо известно, что А. Гитлер апеллировал именно к этому принципу, требуя вернуть отторгнутые по итогам войны немецкие территории. Однако сущность «политики умиротворения» Германии (в более широком смысле эта политика была направлена и на другие государства, в том числе, Италию и Японию) не сводилась к признанию за Берлином права «на собирание» немецких земель. Скорее наоборот, этот принцип рассматривался как средство оттянуть войну и по возможности контролировать «аппетиты» усиливавшегося германского государства.

Выход в сложившейся ситуации — несовпадении государственных границ и промышленных зон (например, Австрия по результатам войны стала государственным образованием, лишенным сырья для промышленности и собственных производственных ресурсов) ¹⁹ — профессор Броек видел в «перестраивании политических фронтиров на основе более широких, интегрированных экономических регионов. Внутри такой программы остается место для “естественных фронтиров”: если и где они действительно формируют значительные разрывы в социально-экономическом обмене, они должны обрисовывать и основные политические формы» ²⁰.

Примечательно, что аналогичную точку зрения почти за два десятилетия до этого уже высказывал Кейнс. Он призывал к созданию «свободного торгового союза», который будет служить цели «восстановить потерю организации и экономической дееспособности... в результате возникновения многочисленных новых политических границ между жадными, завистливыми, незрелыми и экономически несовершенными национальными государствами. Экономические границы были терпимы, пока они охватывали огромные территории немногих бывших империй; но они станут невыносимы, когда Германия, Австро-Венгрия, Россия и Турция поделены на два десятка независимых государств. Свободный торговый союз, включающий всю центральную, восточную и юго-восточную Европу, Сибирь и Турцию и (как я хотел бы надеяться) Соединенное Королевство, Египет и Индию, мог бы сделать для мира и благосостояния этих стран столько же, сколько сама Лига наций» ²¹.

Симптоматично, что эти идеи в несколько ином формате действительно будут реализованы — уже после второй мировой войны в виде современного Европейского союза, первоначально развивавшегося в ключе экономической региональной интеграции на принципах наднациональности.

Призыв Броека вернуться к «естественным фронтирам» как к экономическим границам, безусловно, заслуживает внимания. Однако вся европейская история межвоенного времени представляла собой торжество политических соображений над экономическими факторами, и в этом, вероятно, также крылась «трагедия Европы».

Лекция профессора античной истории Дж. фон Нострэнда «Проблема культурных фронтиров» продолжила уже начатые размышления о значении и сущности фронта. Нострэнд был солидарен с коллегой в том, что фронт следует понимать как зону или область, и обращал внимание на то, что не следует спешить и списывать со счетов значимость «естественных фронтиров»: «Горы, пустыни, джунгли, болота, реки и моря являются барьерами, данными природой человеку, и могут быть использованы как постоянные или временные границы... Несмотря на постоянные и часто успешные попытки человека ослабить их контроль, их невозможно отменить» ²².

Расширяя тернеровское понимание фронта, автор подчеркивал, что «все фронтиры, не важно, когда или где установленные, являются продуктами многих факторов». Речь шла о культуре. Подчеркивая ее «гибкость» и «неуловимость», профессор Нострэнд называет три базовых элемента любой культуры, важность которых меняется с течением времени — это язык, религия и наследственные привычки и обычаи ²³.

Культурные различия, как известно, основаны на противопоставлении «мы и они». На определенном этапе под влиянием комплекса разных факторов одна культура воспринимает другую культуру как угрозу своим собственным ценностям и традициям. Исследователи самых разных дисциплин до сих пор пытаются определить истоки этого феномена и причины актуализации указанной дихотомии, в крайнем проявлении ведущей к ксенофобии и экстремизму.

Суть событий была схвачена профессором античной истории на удивление верно. Происходившее в Европе с 1930-х гг. — преступления нацистского режима и изменения границ при полной неспособности Лиги наций и гарантов

Версальской системы (Франции и Британии) противостоять им — действительно позволяло провести параллель с периодом греческо-римской «цивилизации», когда не принадлежащие к ней представители других народов воспринимались как «варвары». Уже во второй половине XIX в. обозначился кризис сложившейся в период эпохи Ренессанса и Просвещения системы гуманизма, основанной на гражданских правах, индивидуальной свободе и совести. Пошатнулась «вера в природную доброту человека»²⁴, на место которой в первой половине XX в. и особенно в межвоенный период пришли противоположные представления — о превосходстве одних культур над другими и тотальном контроле жизни человека в противовес личным правам и свободам.

Отметим, что фронтир между Западом и Востоком сохраняет свое значение и в современных условиях — повышение уровня конфликтности в мире и рост очагов военных конфликтов — актуализируют значимость мировоззренческих различий, которые все же не представляются непреодолимыми. Профессор Нострэнд обращал внимание на то, что разные культуры способны обогащать друг друга, и их различия априори не должны вести к противостоянию и военным столкновениям²⁵. Подобную точку зрения уже в наши дни озвучил профессор Гарвардского университета Ч.С. Майер в 2006 г. в книге «Среди империй». По его мнению, фронтир можно воспринимать в двух плоскостях — как зону коммуникации или как область разделения. В зависимости от подходов меняется и понимание фронта²⁶.

Стремительные политические перемены в Европе после первой мировой войны стали предметом анализа еще одного участника цикла лекций о фронтире в Калифорнийском университете, А. Штейнера. Он, размышляя о перекройке границ в Европе в период создания Версальской международной системы, предложил рассмотреть еще один вариант развития тернеровской концепции — политический фронтир.

Под ним Штейнер понимал границу, отделяющую одну политическую культуру от другой. Совершенно не обязательно, что политические фронтиры должны совпадать с официальными границами государств, хотя порой они наиболее отчетливо ощущаются именно при пересечении границы. Путешественник может уловить разницу, а, следовательно, ощутить себя на линии политического фронта уже в ходе процедур пограничного и таможенного досмотров с их особенностями паспортного и санитарного контроля, декларирования валют и драгоценностей, специфического отношения к иностранцам. При этом Штейнер не определял политический фронтир как нечто неизблемое, неменяющееся, что и позволяет ему использовать сам термин «фронтир», то есть весьма условную линию, которая легко перемещается в географическом пространстве. В качестве примера Штейнер привел северо-восточную границу Румынии, сформировавшуюся в результате соглашения между Австро-Венгерской и Российской империями в 1878 г., перекроенную в 1919—1920 гг. на основе идеи Великой Румынии, а в 1940 г. исправленную в соответствии с советской концепцией «стратегической обороны». Таким образом, настаивал американский политолог, политические фронтиры меняются столь же часто, как и политические интересы и мотивы, определяющие внешнюю политику государства²⁷.

Штейнер предлагал рассматривать политический фронтир как социологический термин, настаивая, что поведение государства на международной арене связано напрямую с поведением его правителей, их амбициями, воспитанием, особенностями восприятия политического и экономического уклада. Вывод американского автора неутешителен: «В рациональном мире, логически организованном для мира и для эффективного обслуживания человеческих нужд и интересов, проблемы фронтиров исчезли бы. Но это не тот мир, в котором мы живем. В нашем мире доминирует иррациональное стремление к власти»²⁸.

Для иллюстрации своего тезиса Штейнер привел пример с пограничными конфликтами в Европе. На момент 1938 г. он насчитал 56 споров из-за границ в европейской части света, возникших в результате масштабной перекройки границ после первой мировой войны. В то же время за последние годы ни одна из войн, возникших в мире, не была вызвана пограничным конфликтом. Причины были всегда глубже, и споры из-за границ становились лишь поводом для войн. В качестве примера Штейнер приводит нарочитую озабоченность Гитлера по поводу Польского коридора. На самом деле, даже заполучив Данциг, Гитлер на этом не остановился, точно так же, как он не остановился, оторвав от Чехословакии Судетскую область²⁹.

Таким образом, политические фронтиры нередко выходят за пределы официальных границ государства и определяются исключительно аппетитами руководства страны. В качестве такого политического фронта можно рассматривать Рейнскую демилитаризованную зону, которую Штейнер отнес к категории «фронта в наказание» (punitive frontier). Иначе этот фронт можно назвать «фронтом торжествующего победителя». Он фиксируется и для ослабления побежденного противника, и для предотвращения будущих войн, но удерживается лишь до тех пор, пока победитель в силе³⁰.

О рейнском фронтире размышлял и другой лектор — князь А.А. Лобанов-Ростовский, участник первой мировой войны и Белого движения, перебравшийся на Запад после гражданской войны в России и обосновавшийся в 1930 г. в США. Лобанов-Ростовский предложил рассмотреть такую категорию, как «стратегический фронт», то есть фронт, обеспечивающий безопасность государства или усиливающий его позиции с точки зрения обороны и наступления. Ученый выделял два основных стратегических фронта в Европе — Рейнско-Дунайский и Висло-Припятский — и несколько второстепенных.

Лобанов-Ростовский считал Рейн наиболее естественной границей Франции, а выход к нему — одной из главных задач французской внешней политики со времен кардинала Ришелье. Рейн еще во времена Римской империи разделял германский и латинский миры. Его дельта тоже являлась стратегическим фронтом — для Британии. Принципиальной позицией Лондона на протяжении нового и новейшего времени было недопущение перехода бельгийско-нидерландского побережья под контроль любой сильной европейской державы. Долина Рейна и в середине XX в. оставалась центром титанической борьбы Германии и Франции³¹.

Исток Рейна располагается вблизи истока другой великой европейской реки — Дуная, который многие столетия тоже являлся фронтом: сначала между Римской империей и варварским миром, потом между Византийской и Римской империями, а затем на смену Византии пришла Османская империя, и в Европе возник фронт христианской и мусульманской цивилизаций. Связующее звено бассейнов Рейна и Дуная — Баварская долина. Ее Лобанов-Ростовский называет ключом к сердцу Европы — Вене и выходом к Центральной Германии и Пруссии. И точно так же, как и дельта Рейна, дельта Дуная является важным стратегическим фронтом Европы, особенно в политике европейских держав по сдерживанию России³². Во внешней политике Гитлера Лобанов-Ростовский особенно выделял захват Германией или контроль через сателлитов за всем Рейнско-Дунайским стратегическим фронтом, что само по себе уже обеспечивало Третьему Рейху стратегическое доминирование в Европе. Не случайно, как отмечал лектор, $\frac{3}{4}$ всех европейских войн проходили на Рейнско-Дунайском фронте.

В этой связи логичной выглядела попытка Берлина занять и второй по важности стратегический фронт в Европе, который на западе ограничивался Вислой, на севере — Балтийским морем, на востоке — Припятскими (Пинскими) болотами, Неманом и Бугом, а на юге — Карпатами. Неисчислимое коли-

чество войн и сражений состоялось в этой части Европы. Висло-Припятский фронт был ключевым в обороне России. Лишение выхода к нему серьезно ослабляло стратегические возможности Москвы.

Прочие стратегические фронтиры в Европе Лобанов-Ростовский причислял к категории периферийных или локальных, имевших лишь региональное значение. К их числу он относил Пиренеи, пролив Эресунн между Данией и Швецией («бутылочное горло Балтийского моря»), Аландские острова и Альпы. Последние особо выделялись исследователем ситуации в Европе в силу их неприступности. Как русскому по крови и человеку, принадлежавшему к семье, ведущей свою родословную от Рюрика, Лобанову-Ростовскому было приятно отметить, что за всю историю лишь трем полководцам удалось перевести через Альпы свои армии: Ганнибалу, Суворову и Наполеону³³. Но в век механизированных войн этот маневр был крайне затруднителен. Лектор много рассуждал об Альпах, как о главном оборонительном фронтире Италии. Следует напомнить, что в момент чтения лекций в Калифорнийском университете еще продолжалась «странная война» и мировые наблюдатели находились в плену иллюзии о мощи французской сухопутной армии, которая, дескать, была способна не только сдерживать натиск гитлеровских войск, но и перейти в контрнаступление против Германии и ее союзников.

Последняя лекция из цикла «бесед о фронтире» в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе была прочитана Р. Хассеем. Речь в ней шла о фронтирах американских материков. Заслуживает внимания реплика калифорнийского специалиста по истории Америки о том, что в будущем «для Соединенных Штатов может оказаться желательным в целях национальной безопасности найти какие-либо формы экспансии на острова Атлантического и Тихого океанов или в районах Арктики и Антарктики»³⁴. Таким образом, этот пассаж целиком корреспондировался с мнением Тернера о том, что «опрометчивым пророком станет тот, кто будет утверждать, что экспансионистский характер американской жизни к настоящему времени полностью исчез. Движение было ее доминантой, и... энергия Америки будет постоянно требовать более широкого поля для своего приложения»³⁵.

Ознакомление с лекциями американских ученых о применении теории фронта к ситуации в Европе 1940 г. оставляет впечатление некоторой беспечности и определенной близорукости академической общественности США. Разворачивавшаяся катастрофа в Европе рассматривалась ими так, словно речь шла о чем-то отдаленном, не имеющем никакого отношения к Соединенным Штатам. Да и уровень научного анализа оказывался нередко поверхностным. Сказывался дефицит специалистов по европейской и, вообще, зарубежной истории. Не случайно к лекциям привлекали иностранцев, в частности — Лобанова-Ростовского. Справедливости ради необходимо отметить, что лекции читались силами сотрудников лишь одного университета. Вместе с тем, подход калифорнийских ученых к теории фронта раскрывал новые возможности применения теории Тернера.

Чтение и публикация серии лекций о фронтире в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе стали одной из первых попыток вписать теорию фронта в европейский опыт и расширить концептуальное понимание границ как сложного географического, культурного, политического и стратегического феномена. Эксперимент калифорнийских ученых по изучению границ и пограничных конфликтов как многоаспектного феномена показывал, что, несмотря на жесткую критику теории Тернера в 1930-е гг., ее потенциал оказался гораздо шире, чем задумывал сам автор. Применение данной теории к европейским реалиям не только высвечивает новые аспекты краха Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, но и дает пищу для размышлений о современной трансграничной активности в Европе и миграционном давлении на европейские фронтиры в 2010-х годах.

1. ТЕРНЕР Ф.ДЖ. Фронтир в американской истории. М. 2009, с. 15.
2. До Тернера «западный фронтир» как движущую силу развития американской нации, источник экономического благосостояния, сплочения американского народа и неотъемлемый элемент американской цивилизации рассматривали основоположники американского государства Т. Джефферсон и Б. Франклин, а также ряд других политических и общественных деятелей и ученых. Так, схожий с тернеровской теорией взгляд на американский фронтир представил будущий президент США Т. Рузвельт в своей многотомной работе «Победа Запада (1885—1894 гг.)». Об этом подробнее см.: SLOTKIN R. Gunfighter Nation. The Myth of the Frontier in Twentieth-Century America. N.Y. 1993, p. 29—62.
3. КУШНЕР Г. Постоянство «идей границы» американской мысли. Новый взгляд на историю США. В кн.: Американский ежегодник. 1992. М. 1993, с. 136.
4. СОГРИН В.В. Архетипы и факторы цивилизации США. — США-Канада. Экономика. Политика. Культура. 2009, № 5, с. 17.
5. JONES K.R., WILLIS J. The American West: Competing Visions. Edinburgh. 2009, p. 41—43.
6. ПЕЛИПАСЬ М.Я. Опыт использования идеи фронта в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири. В кн.: Американские исследования в Сибири. Вып. 8. Томск. 2004, с. 18.
7. ТЕРНЕР Ф.ДЖ. Ук. соч., с. 11, 14.
8. Frontiers of the Future. Lectures Delivered Under the Auspices of the Committee on International Relations on the Los Angeles Campus of the University of California. Berkeley-Los Angeles. 1940, p. 5.
9. См., например: HUDSON J.C. Theory and Methodology in Comparative Frontier Studies. In: The Frontier. Comparative Studies. Oklahoma. 1977, p. 11—30; MAIER CH.S. Among Empires. American Ascendancy and Its Predecessors. London. 2006, p. 78—111.
10. Frontiers of the Future, p. 3.
11. Ibid., p. 5.
12. Раздел мира после войны в цифрах. В кн.: Мировые войны XX в. Кн. 2. Документы и материалы. М. 2002, с. 543—545.
13. A New Kind of History from the Writings of Febvre. London. 1973, p. 208—209; 217.
14. Frontiers of the Future, p. 5—6.
15. Ibid., p. 18—19.
16. Ibid., p. 19.
17. КЕЙНС ДЖ. Экономические последствия Версальского мирного договора. В кн.: Мировые войны XX в., с. 536.
18. Frontiers of the Future, p. 5—6.
19. Раздел мира после войны в цифрах. В кн.: Мировые войны XX в., с. 544.
20. Frontiers of the Future, p. 19—20.
21. КЕЙНС ДЖ. Ук. соч., с. 541.
22. Frontiers of the Future, p. 23—24.
23. Ibid., p. 23.
24. Европейская культура. XXI век. М. СПб. 2013, с. 45—46.
25. Frontiers of the Future, p. 33—34, 43.
26. MAIER CH.S. Op. cit, p. 98—99.
27. Frontiers of the Future, p. 79—80.
28. Ibid., p. 88.
29. Ibid., p. 68—69.
30. Ibid., p. 80—81.
31. Ibid., p. 93—95.
32. Ibid., p. 95—96.
33. Ibid., p. 100.
34. Ibid., p. 137.
35. ТЕРНЕР Ф.ДЖ. Ук. соч., с. 40.